

article_id=7779712. – Data obrashhenija: 18.01.2014.

7. Novosel'cev V. N. Matematicheskoe modelirovanie v gerontologii – strategicheskie perspektivy [Jelektronnyj resurs] / V. N. Novosel'cev, Zh. A. Novosel'ceva, A. I. Jashin // Uspehi gerontologii. – 2003. – Vyp. 12. – S. 149–165. – Rezhim dostupa: <http://english.ownnet.ru/public/pdf/149–165.pdf>. – Data obrashhenija: 18.01.2014.

8. Samarskij A. A. Matematicheskoe modelirovanie. Idei. Metody. Primery: monografija / A. A. Samarskij, A. P. Mihajlov. – 2–e izd., ispr. – M.: Fizmatlit, 2001. – 316 s.

9. Uemov A. I. Logicheskie osnovy metoda modelirovanija / A. I. Uemov. – M.: Mysl', 1971. – 311 s.

10. Shijan A. A. Jekonomicheskaja kibernetika: Vvedenie v modelirovanie social'nyh i jekonomicheskikh sistem [Jelektronnyj resurs] / A. A. Shijan. – Rezhim dostupa: <http://soctech.narod.ru/Texts/ek.zip>. – Data obrashhenija: 18.01.2014.

11. Simon H. Models of Man, social and rational: mathematical essays on rational human behavior in a social setting / Herbert A. Simon. – New York: John Wiley and Sons, Inc., 1957. – 287 p.

12. Sternberg S. Stochastic Learning Theory / Saul Sternberg // Handbook of Mathematical Psychology. In 3 v. V. 2 / ed. by R. Duncan Luce, Robert R. Bush, Eugene Galanter. – New York; London: John Wiley and Sons, Inc., 1963. – P. 1–120.

Petinoва О. В., associate professor of philosophy and sociology department South Ukrainian National Pedagogical University after K. D. Ushynskiy (Ukraine, Odessa), oksanapnpu@gmail.com

The theory of modeling of M. Wartovskiy: typology and existential orientations (in the context of the methodology of the new economic man study)

In this article the author focuses on the consideration of the features of the modeling method in the context of the methodology of the new economic man study (on the example of the theory of M. Wartovskiy). Attention is focused on the fact that the formation of the current global economic system is philosophical problematization of economic knowledge which contains search for new forms and methods of research and presentation not only in academic discourse, but also socially meaningful contexts. The economic motivation of human behavior in the system of market relations associated with existential axiological selection problems of care about the future of modern life with the problems of identifying opportunities, social values and ideals, a change for the better socio-economic life.

Keywords: modeling method, new homo economicus, socially relevant contexts, philosophical problematization of economic knowledge.

Петинова О. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та соціології, Южноукраїнський національний педагогічний університет ім. К. Д. Ушинського (Україна, Одеса), oksanapnpu@gmail.com

Теория моделей М. Вартофского: типология и экзистенциальные ориентации (в рамках методологии исследования нового экономического человека)

Автор уделяет внимание рассмотрению особенностей метода моделирования в контексте методологии изучения нового экономического человека (на примере теории М. Вартофского). Акцентируется внимание на том, что в условиях формирования современной глобальной экономической системы актуальной является философская проблематизация экономического знания, которая содержит поиск новых форм и методов исследования и презентации не только в научном дискурсе, но и в социально значимых контекстах. Экономическая мотивация поведения человека в системе рыночных отношений связана с экзистенциально-аксиологическими проблемами выбора будущего и заботой о современной жизни с проблемами определения возможностей развития, общественных ценностей и идеалов, изменением в лучшую сторону социально-экономического бытия.

Ключевые слова: метод моделирования, новый экономический человек, социально значимые контексты, философская проблематизация экономического знания.

УДК 930.1

Масаєв М. В.,

доктор філософських наук, доцент, завідувач лабораторією факультету соціокультурної діяльності та музичного мистецтва, Кримський університет культури, мистецтв і туризму (Україна, Сімферополь), mikhail-masaev@yandex.ru

ФЕНОМЕНОЛОГІЯ СЕНСУ ІСТОРІЇ В КОНТЕКСТІ ПРОБЛЕМ “ФІЛОСОФІЇ КОСМОСУ” М. А. БЕРДЯЄВА І ДУХОВНО–МОРАЛЬНИХ ЗАДАЧ РОЗВИТКУ ХРИСТІАНСЬ-

КОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ (ДО 140–РІЧЧЯ ІЗ ДНЯ НАРОДЖЕННЯ ВЕЛИКОГО ВІТЧИЗНЯНОГО ФІЛОСОФА)

Поняття сенсу історії стало в історіософській науці одним з базових, котрі мають у понятійно–категоріальному апараті філософії історії (в руслі концепції парадигмальних образів та символів епох, цивілізацій та народів) дійсно нескінченне символічне значення. Таким чином, сенс історії возводиться до рангу понять–символів галузі філософського знання, котра розглядається нами. В даному аспекті є показовим досвід філософії великого вітчизняного філософа М. А. Бердяєва, котрий не втрачає своєї актуальності. На підтвердження вищезначеного дуже переконливо є наступна теза великого мислителя людства: “Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась кака-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется...”.

Таким чином, осягнення та всебічний філософсько–історичний аналіз проблеми феноменології сенсу історії у контексті проблем “філософського космосу” М. А. Бердяєва і духовно–моральних задач розвитку християнської цивілізації є важливою методологічною ланкою у цепі проблем сенсу історії, – проблем вічних, котрі зростають до рівню Символу.

Ключові слова: феноменологія, історія, сенс, духовність, християнство.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Понятие смысла истории стало в историософской науке одним из краеугольных, имеющих в понятийно–категоріальному апараті філософії історії (в руслі концепції парадигмальних образів та символів епох, цивілізацій та народів [1; 2; 3]) поистине непреходящее символическое значение. Таким образом, смысл истории возводится в ранг понятий–символов рассматриваемой нами отрасли философского знания.

В данном аспекте показателен опыт не теряющей своей актуальности философии великого отечественного философа Николая Александровича Бердяева. Вот почему проблема феноменологии смысла истории в контексте проблем “философии космоса” Н. А. Бердяева и духовно–нравственных задач развития христианской цивилизации так актуальна и злободневна. В подтверждение вышеозначенного потрясающе убедителен следующий тезис великого мыслителя человечества: “Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась кака-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется. Он не таков, каким был до начала мировой войны и последовавших за мировой войной русской и европейской революций, – он существенно иной. И темп этот не может быть назван иначе, как катастрофическим. Открылись вулканические источники в исторической подпочве. Все заколебалось, и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения “исторического”. Я думаю, что это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить по–новому философию истории. Мы вступаем в эпоху, когда к этим проблемам будет обращено сознание человеческое более, чем оно было обращено до сих пор” [7].

Целью работы является философско–исторический анализ феномена смысла истории в контексте проблем “философского космоса” Н. А. Бердяева и духовно–нравственных задач развития христианской цивилизации (с привлечением концепции парадигмальних образів та символів епох, цивілізацій та народів). Последний элемент является также важной составной частью новизны рассматриваемой проблемы.

Показательно, что “Смысл истории” представляет собой единственную из ранних (включая “Смысл творчества”) книг, которую Николай Александрович (как он

сам признавался) “единственно ценил”. При этом мыслитель подчеркивал, что “философию истории считал своей специальностью” [4]. Примечательна в этом отношении следующая точка зрения исследователя: “Русская мысль в течение XIX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Не случайно в центре наших духовных интересов стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе. Еще Чаадаевым и славянофилами была задана русской мысли тема по философии истории, ибо загадка России и ее исторической судьбы была загадкой философии истории” [7]. В данном контексте показательны также рассуждения известного отечественного философа, профессора Дмитрия Евгеньевича Музы в русле осмысления “русской идеи” Н. А. Бердяева как историософского концепта для создания фундаментальной истории русской философии: “...остается открытым вопрос о том, может ли служить основанием для “Русской идеи” (в её бердяевской редакции) историко-философский процесс, или же его нужно воспринимать как продукт религиозных, социально-политических, экономических, и вообще, культурно-цивилизационных детерминаций?”

Отвечая на этот вопрос, следует учесть контрастность бердяевской постановки проблемы, но и характер её осмысления и изложения. Поэтому ниже я постараюсь заострить внимание на следующем тезисе: работа Н. А. Бердяева должна восприниматься как вариант воссоздания историко-философского процесса в России, причем воссоздания в очень оригинальной форме. В частности, логика и формат этого процесса заданы самим философом в словах: его интересует “умопостигаемый образ русского народа”, бытие которого раскрывается не только формативно (пять периодов русской истории – Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская, Россия советская), но и телеологически (“эсхатологический выбор”, в рамках которого возможна “новая Россия”) [8, с. 175; 9, с. 43, 45].

Весьма примечательно следующее наблюдение мыслителя: “В те эпохи, когда дух человеческий пребывает целостно и органически в какой-либо вполне кристаллизованной, вполне устоявшейся, вполне осевшей эпохе, не возникают, с надлежащей остротой, вопросы философии, вопросы об историческом движении и о смысле истории. Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию, построению философии истории. Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании, для того чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта, нужно, чтобы наступила рефлексия, для того чтобы началось историческое познание, для того чтобы получилась возможность построения философии истории. Поэтому я думаю, что можно представить в виде такой схемы три периода отношения к “историческому”. И я сейчас определю, как относится каждый из этих периодов к историческому познанию. Первый период – период непосредственного, целостного, органического пребывания в каком-нибудь устоявшемся историческом строе. Этот период, конечно, очень интересен для исторического познания, но в нем историческое

познание еще не зарождается. Это период, в котором мысль статична, и поэтому динамичность объекта исторического познания очень плохо воспринимается человеческим умом. Второй период – неизбежно, роковым образом всегда и всюду наступающий период раздвоения, расщепления, когда утвердившиеся исторические устои начинают расшатываться в своих основах, начинается историческое движение, исторические катастрофы и катаклизмы, которые могут быть разного темпа, но органический лад и ритм целостной жизни прекращается. Вот когда начинается это раздвоение и расщепление: познающий субъект не чувствует себя непосредственно и целостно пребывающим в самом историческом объекте, зарождается рефлексия исторического познания. Этот второй период важен для исторической науки, но для настоящего построения философии истории, для настоящего осмысливания исторического процесса он все-таки не благоприятен, потому что в нем происходит разрыв между субъектом и объектом, выведение рефлектирующего субъекта из той жизни, в которой он непосредственно пребывал. Происходит разобщение с самой этой внутренней жизнью, с самим “историческим”. Происходит противоположение между “историческим” и познающим, которое отдаляет от него внутреннюю сущность “исторического”. В этом периоде возникает историческая наука, в этом периоде может даже возникнуть историзм в смысле общей точки зрения на культуру. Но – и это один из парадоксов этой области, к которому мы будем не раз возвращаться, – между “историческим” и “историзмом” существует не тождество, а огромная разница и даже противоположность. Историзм, свойственный исторической науке, сплошь и рядом бывает очень далек от тайны “исторического”. Он к ней не подводит. Он утерял все способы сообщения с этой тайной. Историзм не познает, не понимает – мало того, он отрицает “историческое”. Для того чтобы приобщиться к внутренней тайне “исторического”, в которой пребывает непосредственно человек в органическую целостную эпоху человеческой жизни, которую, пребывая в ней, он не познает, над которой он не рефлектирует, для того чтобы осмыслить “историческое”, – для этого нужно пройти через противоположение познающего субъекта познаемому объекту, нужно по-новому, пройдя через тайну раздвоения, приобщиться к тайне “исторического”. Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к Внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее и построить настоящую философию истории. Это – третий период, третья эпоха, эпоха возвращения к “историческому”. И вот, когда я говорю, что катастрофические моменты истории особенно благоприятны для построения философии истории, я имею в виду такие катастрофы духа человеческого, когда он, пережив крушение известного жизненного исторического строя и лада, пережив момент расщепления и раздвоения, может сопоставить и противопоставить эти два момента – момент непосредственного пребывания в историческом и момент расщепленности с ним, чтобы перейти в третье состояние духа, которое дает особенную остроту сознания, особенную способность к рефлексии и, вместе с тем, в нем совершается особенное обращение духа человеческого к тайнам “исторического” [7]. Данное наблюдение было вызвано постижением

проблемы, что же такое “историческое”? А “для понимания “исторического”, для того, чтобы мысль была обращена и к восприятию “исторического”, и к его осмысливанию, необходимо пройти через некое раздвоение” [7].

Известно, что Н. А. Бердяев в течение 1919–20 гг. читал лекции в основанной им Вольной Академии Духовной Культуры касательно основополагающих проблем философии истории, называя время от октябрьского переворота до своей высылки на “филофском пароходе” самым свободным для духа, – по его словам, никогда он так вольно не говорил и его с таким интересом не слушали [4].

Для Николая Александровича история всегда располагалась в центре мысли. При этом мировая война, русская революция, конец так называемого “старого мира” явились мощным катализатором (“исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории”) [4; 7].

Именно эти лекции учёного, прочитанные в самый разгар исторической катастрофы, легли в основу книги “Смысл истории”. Выявление апокалиптической сути истории (границы этого подхода прослеживаются и в наших работах – М. М. [5–6]) во время больших её сдвигов может привести к двум выводам: бессмыслица истории или высветление её смысла в свете Конца. Бердяев в “Смысле истории” пишет: История потому только и есть, что в сердцевине её есть Христос. Христос и есть глубочайшая мистическая и метафизическая основа и источник истории, драматической, трагической судьбы её. К Нему идет и от Него идет Божественное, страстное движение и мировое человеческое страстное движение. Без Христа его не было бы и оно было бы непонятно. В еврейском народе потому и зачалась история, что там было мистическое предчувствие, в котором зачатая связь между небесной и земной историей. Через Христа, поистине, метафизическое и историческое перестают быть разделенными, делаются соединенными и отождествленными. Само метафизическое делается историческим и само историческое делается метафизическим; небесная история делается земной историей, земная история постигается как момент небесной истории. Понимание первоначальной мистерии и первоначальной драмы бытия как драмы свободной любви, как того, что Бог захотел свободы, есть обратная сторона того, что Бог захотел человека, затосковал по человеку, если говорить об этом в терминах и выражениях мифологии, а не отвлеченной философии [4; 7]. При этом человек “есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и “историческим” существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно, и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески. И нельзя рассматривать человека вне глубочайшей духовной реальности истории. Я думаю, что “историческое” нельзя, как это в большинстве случаев пытаются делать

различные направления в философии истории, рассматривать только как феномен, только как явление внешне воспринимаемого мира, данного нашему опыту, и противопоставлять его в том смысле, в каком противопоставляет Кант, действительности нуменальной, самой сущности бытия, внутренней сокровенной действительности. Я думаю, что история и историческое не есть только феномен. Я думаю, – и это есть самая радикальная предпосылка философии истории, что “историческое” есть нумен” [7].

Таким образом, постижение и всесторонний философско-исторический анализ проблемы феноменологии смысла истории в контексте проблем “философского космоса” Н. А. Бердяева и духовно-нравственных задач развития христианской цивилизации представляется важным методологическим звеном в цепи проблем смысла истории, – проблем вечных, возрастающих до уровня Символа.

Список использованных источников

1. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие / М. В. Масаев / Министерство образования и науки Украины. Министерство образования и науки Автономной республики Крым. Республиканское высшее учебное заведение “Крымский гуманитарный университет”. – Симферополь : Доля, 2008. – 304 с.
2. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь : Доля, 2011. – 512 с.
3. Масаев Михайло Володимирович. Парадигмальні образи і символи у трансформаційних процесах епох і цивілізацій (філософсько-історичний аналіз). Автореф. дис. ... доктора філософ. наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 36 с.
4. Литературный портал “Предание.ru” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : predanie.ru/lib/book/74421/
5. Масаев М. В. Образ православной церкви как апокалиптической жены (в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 63. – С. 153–156.
6. Масаев М. В. Гонимая апокалиптическая жена как символ православной церкви и “основная парадигма мироцерковного восприятия образа церкви” / М. В. Масаев // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы II международной научно-практической конференции 5–6 марта 2012 года. – Пенза–Прага–Киев : Научно-издательский центр “Социосфера”, 2012. – 181 с.
7. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : royallib.ru/book/berdyayev_nikolay/smysl_istorii.html
8. Муза Д. Е. “Русская идея” Н. А. Бердяева как историософский концепт для создания фундаментальной истории русской философии / Д. Е. Муза // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі [Текст] / відп. ред. Аляев Г., Суходуб Т. / Тов-во рос. філ. при Укр. філ. фондї; Полтавський нац. тех. ун-т. ім. Ю. Кондратюка; Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України; Центр гум. освіти НАН України. – Полтава : ТОВ “АСМІ”, 2014. – 816 с. – (Серія “Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фондї”; Вип. 11).
9. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.

References

1. Masaev M. V. Filosofija istorii. Uchebno-metodicheskoe posobie / M. V. Masaev / Ministerstvo obrazovanija i nauki Ukrainy. Ministerstvo obrazovanija i nauki Avtonomnoj respubliki Krym. Respublikanskoe vysshee uchebnoe zavedenie “Krymskij humanitarnyj universitet”. – Simferopol’ : Dolja, 2008. – 304 s.
2. Masaev M. V. Curriculum vitae paradygmal’nyh obrazov y symvolov epoch u cyvylyzacyj. Monografija / M. V. Masaev. – Symferopol’ : Dolja, 2011. – 512 s.
3. Masajev Myhajlo Volodymyrovych. Paradygmal’ni obrazy i symvoly u transformacijnyh procesah epoch i cyvilizacij (filosofs’ko-

istorychnyj analiz). Avtoref. dys. ... doktora filos. nauk. – Dnipropetrovsk, 2013. – 36 s.

4. Literaturnyj portal “Predanie.ru” [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : predanie.ru/lib/book/74421/

5. Masaev M. V. Obraz pravoslavnoj cerkvi kak apokalipticheskoj zheny (v svete koncepcii paradigmal'nyh obrazov i simvolov jepoh i civilizacij) / M. V. Masaev // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2005. – № 63. – S. 153–156.

6. Masaev M. V. Gonomaja apokalipticheskaia zhenka kak simvol pravoslavnoj cerkvi i “osnovnaja paradigma mirocerkovnogo vospriiatija obraza cerkvi” / M. V. Masaev // Simvolicheskoe i arhetipicheskoe v kul'ture i social'nyh otnoshenijah: materialy II mezhdunarodnoj nauchno–prakticheskoi konferencii 5–6 marta 2012 goda. – Penza–Praga–Kiev : Nauchno–izdatel'skij centr “Sociosfera”, 2012. – 181 s.

7. Berdjaev N. A. Smysl istorii / N. A. Berdjaev [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : royallib.ru /book/ berdyaev_nikolaj/smisl_istorii.html

8. Muza D. E. “Russkaja ideja” N. A. Berdjaeva kak istoriosofskij koncept dlja sozdaniia fundamental'noj istorii russkoj filosofii / D. E. Muza // Istorija filosofii' u vitchyznjanij duhovnij kul'turi [Tekst] / Vidp. red. Aljajev G., Suhodub T. / Tov–vo ros. fyl. pry Ukr. fil. fondi; Poltav's'kyj nac. teh. un–t. im. Ju.Kondratjuka; In–t filosofii' im. G. S. Skovorody NAN Ukraїny; Centr gum. osvity NAN Ukraїny. – Poltava : TOV “ASMI”, 2014. – 816 s. – (Serija “Ukraїn's'kyj chasopys rosij's'koi' filosofii'”. Visnyk Tovarystva rosij's'koi' filosofii' pry Ukraїn's'komu filosof's'komu fondu”; Vyp. 11).

9. Berdjaev N. A. Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofij russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja. – M. : Nauka, 1990. – S. 43–271.

Masaev M. V., Doctor of Philosophical Sciences, Ass. Prof., Head of Laboratory of the Faculty of Sociocultural Activity and Musical Art of Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Ukraine, Simferopol), mikhail–masaev@yandex.ru

Phenomenology of the sense of history in the context of the problems of “philosophy of space” N. A. Berdyaev and spiritual and moral problems of the development of Christian civilization (to the 140th anniversary of the birth of the great Russian philosopher)

The notion of the sense of history began in historical and philosophic science one of the cornerstones having in conceptual–categorical apparatus of the philosophy of history (in line with the concept of paradigmatic images and symbols of epochs, civilizations and nations) truly lasting symbolic value. Thus, the sense of history is erected in a rank of the notions–symbols considered by us as the branch of philosophical knowledge. This aspect significant experience not loses their relevance philosophy of the Great Russian philosopher N. A. Berdyaev.

In confirmation of the above fabulous convincing following proposition of the great thinker of mankind: “We live in a time of grandiose historical turning point. Some new historical epoch is started. The whole pace of the historical development varies considerably...”

Thus, attainment and comprehensive philosophical–historical analysis of the problem of phenomenology of the sense of history in the context of “philosophical space” N. A. Berdyaev and spiritual and moral problems of the development of Christian civilization is important methodological link in the chain of problems of the sense of history, problems eternal, rising to the level of the Symbol.

Keywords: *phenomenology, history, sense, spirituality, Christianity.*

Masaev M. V., доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией факультета социокультурной деятельности и музыкально-искусства, Крымский университет культуры, искусств и туризма (Украина, Симферополь), mikhail–masaev@yandex.ru

Феноменология смысла истории в контексте проблем “философии космоса” Н. А. Бердяева и духовно–правственных задач развития христианской цивилизации (к 140–летию со дня рождения великого отечественного философа)

Понятие смысла истории стало в историософской науке одним из краеугольных, имеющих в понятийно–категориальном аппарате философии истории (в русле концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов) поистине непреходящее символическое значение. Таким образом, смысл истории возводится в ранг понятий–символов рассматриваемой нами отрасли философского знания. В данном аспекте показателен опыт не теряющей своей актуальности философии великого отечественного философа Н. А. Бердяева.

В подтверждение вышеозначенного потрясающе убедителен следующий тезис великого мыслителя человечества: “Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая–то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется...”

Таким образом, постижение и всесторонний философско–исторический анализ проблемы феноменологии смысла истории в контексте проблем “философского космоса” Н. А. Бердяева и духовно–правственных задач развития

христианской цивилизации представляется важным методологическим звеном в цепи проблем смысла истории, – проблем вечных, возрастающих до уровня Символа.

Ключевые слова: *феноменология, история, смысл, духовность, христианство.*

* * *

УДК 147.1

Туренко О. С.,
кандидат философських наук, ст. викладач кафедри
теорії та історії держави і права,
Донецький юридичний інститут МВС України
(Україна, Донецьк), oturenko@mail.ru

ПОШУК ОСНОВ ІНДИВІДУАЛЬНОСТІ – СПОДІВАННЯ П. АБЕЛЯРА

На прикладі філософсько–богословських доробок П. Абеляра розглядається концептуальні основи відокремлення індивідуального від колективного в Середньовіччі. Робиться висновок, що Абелярова доктрина гріха стала підрунтям розколу синкретичної уяви про Всесвіт і заклала засади відокремлення розумного, тобто потенційно морального індивіда від холістичного панування. Розподіл гріха на релігійно–моральний намір, вчинок і соціально–небезпечний злочин створювало основи дисциплінарного суспільства і самоконтролюючого індивіда, який на особистому рівні мусить синхронізувати трансцендентні й іманентні сфери буття.

Ключові слова: *середньовіччя, індивідуальність, колективне, трансцендентне, іманентне.*

Питання визнання за людиною права бути особистістю і виборувати перед тотальною колективністю своє право на свободу починає свій відлік з “осьового часу”. Античність почала осягати думкою “народження індивідуальності” в драматургії Есхіла та Софокла, у філософії Геракліта і Парменіда і досягла в цій справі великих висот у філософських візіях та нормах римського права. Втім, античне визнання індивідуальності зникає в “темному” Середньовіччі. Така уявлена “втрата” відбулась завдяки модерній науковій традиції, яка виходить з буркхардтової тези про “статичність Середньовіччя”. У переважній більшості модерна наука відмовляла цій добі в індивідуалізмі. Виразним прикладом цієї позиції є переконання Л. М. Баткіна, який заперечує індивідуалізм не лише Франциска з Асіжу, але і Жанни д'Арк [1, с. 13].

Втім, існує інша точка зору. Ще Л. П. Карсавін визначав наявність в Середньовіччі “релігійної індивідуальності”, на ґрунті якої виникає антиномічна особистість [2, с. 52]. Середні віки породили не меншу кількість видатних особистостей, ніж модерн, висока духовна складова яких не підпадає сумніву. Це були особистості, які не поступалися своїм індивідуальним пафосом ані попередній добі – античності, ані майбутнім століттям. В цьому сенсі М. Бердяєв зазначає, що “...будь–кому відомі тьма і нецтво Середніх віків. Але чи можна казати, що була філософським лихоліттям і темнотою епоха, в середині якої з'явився Іоанн Скот Еріугена, а в кінці Мейстер Екхарт? Чи була некультурною епоха Данте і Томи Аквінського? Вся антична культура ввійшла в Середньовіччя, світова душа жила і розвивалася протягом цих обмовлених століть. Кипуче відчуття особи, особистого спасіння (у чернецтва) і особистої честі (у шляхти) затверджувалося в епоху, яку прийнято вважати часом повного поневолення особи” [3, с. 162–163].